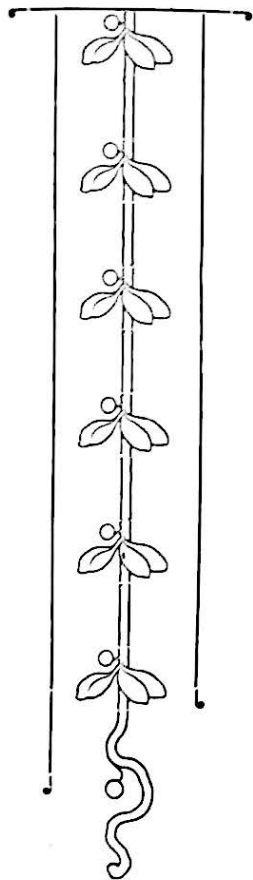

ЧЕХОВСКІЙ ≡

ЮБИЛЕЙНЫЙ СБОРНИКЪ.

1860 $\frac{17}{\text{ЯНВАРЯ.}}$ 1910.

Городъ Чехова.

Впечатлѣніе унылой пустынности и ненужности — вотъ первое чувство, которое охватываетъ свѣжаго человѣка при въѣздѣ въ Таганрогъ.

Длинные и прямые, какъ лагерная линейка, улицы, маленькіе домики съ подслѣповатыми окнами и неизмѣнными ставнями, за которыми, кажется, навсегда остановилась и замерла жизнь, — нагоняютъ тоску. Рѣдкіе прохожіе точно сами конфузятся своего появленія на улицѣ, нарушающаго общую мертвую неподвижность. Только на главной улицѣ, Петровской, гдѣ сосредоточены всѣ магазины, — относительное оживленіе, и даже стоятъ два городскихъ. Эта неподвижная тишина характерна для Таганрога. Даже въ смутные дни 1905 года жизнь здѣсь не была выбита изъ колеи. Не было ни митинговъ, ни собраній, ни погромовъ, ни безпорядковъ. Когда въ сосѣднемъ Ростовѣ, — въ двухъ часахъ ѣзды, — гремѣли пушки, и въ полномъ разгарѣ было вооруженное возстаніе, — таганрожцы, какъ всегда, мирно играли въ „девятку“ въ „маленькомъ“ и „большомъ“ клубѣ, а изнывавшій отъ бездѣлья полицмейстеръ лихо откалывать мазурку на общественныхъ балахъ.

Когда годъ тому назадъ, послѣ многолѣтняго перерыва, я проѣздомъ опять попалъ въ Таганрогъ, — точно никогда изъ него не выѣзжалъ. Та же глушь, тѣ же пустыя и невѣдомо для чего существующія гостиницы „Бристоль“ и „Континенталь“ и тѣ же неподвижные люди, которые только растерянно улыбаются, когда спрашиваешь ихъ:

— Что же у васъ новаго?

— Да что новаго? Какъ вамъ сказать... Ничего...

— Да неужто ничего не измѣнилось?

— Рѣшительно ничего. У насъ даже союза русскаго народа нѣтъ.

— Да какъ же вы живете!—хочется воскликнуть, и удер- живаешься, потому что, очевидно, живутъ по-старому.

Днемъ сидятъ въ банкахъ, конторахъ и магазинахъ, вечеромъ—неизмѣнно въ клубѣ, три раза въ недѣлю въ театрѣ—въ убогомъ покосившемся театрѣ, съ черными коридорами и какими-то нелѣпыми перилами, у которыхъ въ антрактахъ, принимая демоническія позы, стоятъ мѣстные лъвы.

Кстати о театрѣ. Въ таганрогскомъ театрѣ, на родинѣ Чехова, мнѣ пришлось въ первый разъ видѣть „Трехъ сестеръ“. Таганрожцы не оцѣнили своего писателя, а мѣстные журналисты,—большіе „патріоты своего отечества“,—усмотрѣли въ пьесѣ чуть ли не пасквиль и ополчились на автора: пьеса, дескать, сочинена, такой и провинціи ужъ нѣтъ, и типовъ такихъ нѣтъ! Чеховъ, вѣроятно, и не подозревалъ, какъ огорчилъ онъ своихъ земляковъ, которые искренно думаютъ, что не зачѣмъ стремиться „въ Москву“, когда и въ Таганрогѣ такъ хорошо.

Таганрогъ пережилъ свою славу. Онъ живетъ воспоминаніями и... несбыточными мечтами. Когда-то это былъ крупный экспортный центръ. Ростовъ только зарождался, и вся хлѣбная торговля пріазовья шла черезъ Таганрогъ.

Таганрожцы вспоминаютъ объ этомъ времени съ гордостью:

— Итальянскую оперу выдерживали по цѣлымъ сезонамъ.

И, дѣйствительно, въ покривившемся и потрескавшемся теперь театрѣ пѣвали всѣ итальянскіе соловьи. Таганрожцы, не морщась, платили сотни рублей за ложи и въ клубахъ закатывали уюпомрачительные банкеты. Донскіе помѣщики изъ Новочеркасска пріѣзжали „отдохнуть и повеселиться“ въ Таганрогъ. И „отдыхали“. О гомерическихкихъ кутежахъ былыхъ временъ до сихъ поръ держатся легенды. Чеховъ уже не засталъ этихъ временъ.

Приблизительно съ 60-хъ годовъ Таганрогъ сталъ падать. Торговля перешла въ Ростовъ. Потомъ разыгралась знаменитая таможенная эпопея, и чуть не всѣ таганрогскіе тузы, уличенные въ контрабандѣ, очутились на скамьѣ подсудимыхъ. Съ тѣхъ поръ городъ уже не могъ оправиться, и съ каждымъ годомъ его значеніе падаетъ, катясь, какъ по наклонной плоскости. Таганрожцы живутъ мечтой о 353

глубокомъ портѣ, о морскомъ каналѣ, которые должны вернуть ему былое величіе, но это—изъ области мечтаній, совершенно несбыточныхъ. Таганрожцы утѣшаются ими, но и сами не вѣрятъ возможности ихъ осуществленія.

При Чеховѣ Таганрогъ былъ почти такимъ же, какъ сейчасъ—мертвымъ и неподвижнымъ. И это дало намъ Чехова. Онъ близко пережилъ засасывающій ужасъ глухого провинціального болота, и изъ кладезя таганрогской жизни черпалъ мотивы своихъ произведеній. Въ большинствѣ чеховскихъ рассказовъ и пьесъ можно найти таганрогскія черточки. Таганрожцы легко ихъ узнаютъ, хотя... не любить объ этомъ говорить.

Послѣдній разъ Чеховъ былъ въ Таганрогѣ въ 1898 или 1899 году. Онъ пробылъ въ Таганрогѣ, кажется, нѣсколько дней. Былъ въ клубахъ, въ знаменитомъ, дѣйствительно прекрасномъ, городскомъ саду, и уѣхалъ, сказавъ на прощанье одному мѣстному журналисту:

— Тяжело у васъ! Какъ вы живете?

Но Таганрогъ онъ все-таки любилъ. У бывшаго городского головы П. Ф. Юрданова должны быть интересныя письма Чехова, рисующія его отношенія къ родному городу. Часть этихъ писемъ въ свое время появлялась въ мѣстной печати. Въ нихъ Чеховъ очень интересовался мѣстной городской библіотекой, которую всегда поддерживалъ, и охотно отзывался на просьбы П. Ф. Юрданова, бывшаго въ то время еще членомъ управы, о присылкѣ книгъ и т. п.

Тому же П. Ф. Юрданову принадлежитъ инициатива учрежденія Чеховскаго музея. Кажется, онъ помѣщенъ при городской библіотекѣ. По крайней мѣрѣ, такъ въ свое время предполагалось. Библіотека ютится въ маленькомъ одноэтажномъ домикѣ, со всѣхъ сторонъ окруженномъ густыми акаціями, и имя Чехова въ Таганрогѣ неразрывно будетъ связано съ этимъ домикомъ. Это—одно изъ немногихъ просвѣтительныхъ учреждений въ Таганрогѣ—мертвомъ городѣ полуживыхъ людей...

Любимовъ.

